

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

ГЛУЩЕНКО О.И. ФАЙЗУЛИН И.И.

18+

Илькам Файзулин
Морские рассказы

«Автор»

2026

Файзулин И.

Морские рассказы / И. Файзулин — «Автор», 2026

Эта книга — не вымысел, а живая память двух человек, которые видели море не с берега, а изнутри, будучи настоящими моряками подводниками. Это искренние и порой веселые морские рассказы, пропитанные духом службы, товарищества и настоящей мужской судьбы. Книга погружение в 80-е годы — время молодости, надежд, риска и силы характера. Для тех, кому сегодня за 50, она отзовется особой теплотой и узнаваемыми чувствами, возвращая в годы, когда всё только начиналось. А молодежи поможет понять атмосферу в которой жили их родители.

© Файзулин И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

	ПРЕДИСЛОВИЕ	11
И		12
С		28
Д		48
	Конец ознакомительного фрагмента.	49

Илькам Файзулин, Олег Глущенко

Морские рассказы

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ
ГЛУЩЕНКО О. И. ФАЙЗУЛИН И. И.
РАССКАЗЫ
ОЛЕГА
ГЛУЩЕНКО

**Дорога в
Севастополь**
Я

ехал в Пулково с привычной уверенностью человека, который умеет планировать свои дела: все рассчитано, все под контролем. Впереди меня ждали

Севастополь, море, встреча с ветеранами-подводниками — моими братьями по службе, людьми, с которыми я делил тьму и сталь глубин. Я вез туда не только себя, но и свою книгу рассказов о службе. Для меня это не просто сборник воспоминаний — это память, которую я обязан был разделить с теми, кто служил в тех же отсеках, дышал тем же воздухом.

Но стоило мне войти в зал вылетов, как привычный ритм треснул. Табло горело красным: «Рейсы задержаны. Рейсы от-менены». Люди лежали прямо на полу, укрываясь куртками и пледами. Кто-то плакал, кто-то спорил, кто-то безнадежно пил кофе в пластиковых стаканчиках. По громкой связи повторяли сухую формулу: «Аэропорт закрыт из-за угрозы БПЛА».

Я понял сразу: если останусь здесь, не успею.

Такси, пробки, злое гудение клаксонов. Петербург в этот час казался особенно каменным и равнодушным. И вот — Московский вокзал. Толпа, запахи железной дороги, гул голосов. В кассах — одно и то же:

—

Билетов

нет.

Совсем.

Уже на выходе из зала меня окликнула кассирша:

—

Разве

что...

через

турфирму.

У

них

квота.

Я шел по узким подворотням, выискивал нужную дверь среди вывесок с облезшей краской. Турфирма встретила сонной девушкой за стойкой, которая смотрела на меня так, будто у нее был целый век в запасе.

—

Есть один билет. В СВ. Но... место женское. Второе уже выкупила женщина. Если только она сама согласится, чтобы вы ехали с ней.

—

Давайте

ее

телефон.

Она нехотя протянула бумажку; разговор был коротким.

—
Нет.

—
Голос
женщины
стал
резким
и
холодным.

— Я не поеду с незнакомым мужчиной.

Трубка щелкнула.

Я набрал сообщение. Коротко и честно:

«Я бывший офицер-подводник. Еду в Севастополь на встречу ветеранов, чтобы представить книгу о нашей службе. Для меня это очень важно. Прошу вас, помогите! И вообще, мне уже много лет, и обещаю: приставать не буду».

Минуты тянулись вязко. Наконец пришел ответ:

«Знаете, меньше всего я хотела бы ехать в одном купе с моряком, но, видимо, это моя карма. Ладно, я согласна, но не рассчитывайте на разговоры».

5

Так я оказался в купе напротив нее. Молодая приятная женщина, лет тридцати пяти — сорока. Дорогой костюм, деловой вид, глаза, усталые от телефонов и переговоров. Она говорила резко, быстро, словно каждое слово было выстрелом. Бумаги, папки, звонки... Весь ее мир — в этих сигналах.

Я пытался заговорить, но она только улыбалась краем губ и отворачивалась к окну. Я достал свою книгу — привычный якорь. Листы шелестнули, и она наконец спросила:

—

А

что

это

у

вас?

—

Моя

книга.

Истории

службы

в

Севастополе,

на

подводных

аппаратах.

Если

не

возражаете,

могу

прочитать

пару

страниц.

Она пожала плечами:

—

Может,

в

следующий

раз.

Я понял. Она снова отвернулась, экран телефона отражался в ее глазах.

Поезд остановился на станции. «Стоянка — двадцать минут!» — объявила проводница. Я вышел на платформу — подышать свободным воздухом, пропитанным угольным дымом и ароматом чего-то сладкого из буфета. Она тоже вышла, но держалась в стороне.

Постояв пару минут, моя попутчица, видимо, почувствовала дискомфорт и первая вернулась в вагон. И вдруг — крик. Ее. Я бросился на помощь. Ее сумка исчезла. Женщина стояла посреди купе, растерянная, в слезах.

Я выскочил на перрон. Люди спешили к своим вагонам. И там, среди бегущих фигур, я увидел его — молодого парня с зеленой сумочкой в руках. Он скользил вдоль состава, словно тень.

Я сорвался с места, но не побежал — годы службы научили, что важнее действовать головой. Я подлетел к проводнице:

—

По
рации!
Срочно!
Вон
тот
парень

—

с
зеленой
сумкой.
Сообщите начальнику поезда!
Через пять минут его уже задержали у входа в здание

вокзала. До отправления оставалось всего ничего, но сумку успели вернуть. Женщина прижала ее к груди так, словно это была не просто вещь, а часть ее самой.

Мы вернулись в купе. Проводница принесла чай в подста-канниках, пару печений курабье. Я заметил на ее лице улыбку — маленькую, едва заметную, но все же настоящую.

Я снова открыл книгу.

—

Хотите
послушать?

Она кивнула. Уже без отстраненности. И поезд снова тронулся, увозя нас обоих все ближе к Севастополю и к тем историям, которые должны были многое изменить.

ПРЕДИСЛОВИЕ

И

ногда, вспоминая старую детскую песенку
«Из чего же, из чего же сделаны наши...», я ловлю себя на мысли, что с возрастом начинаешь подставлять

туда что-то свое. То из ностальгии, то от переизбытка жизненно-го опыта, то из здорового пофигизма — в общем, у почтенного возраста свои бонусы. Вот раньше думал: «Из мармелада и шоко-лада», а теперь — «Из воспоминаний, забытых имен и историй, которые я уже трижды рассказывал, но все равно перескажу».

Со временем начинаешь понимать, что большая часть нас — это, по сути, архив. Такой себе внутренний склад, где воспоминания расставлены по пыльным полочкам. Ино-гда туда заглядываешь просто за компанию — и, как назло, вместо того, что искал, в руки попадается история, которую ты уже успел забыть... и слава богу. Но нет, она вылезает, машет тебе рукой, и ты уже сидишь и вспоминаешь, как это было, прикидывая, кому бы это теперь всучить.

Все мы красиво говорим: «Надо жить настоящим», «Смотри в будущее!» — и, конечно, это правильно. Но стоит собрать-ся с друзьями — и все, понеслось: «А помнишь?..», «А тогда мы...», и весь ваш светлый взгляд в будущее накрывается теплым пледом воспоминаний. Да что там, прошлое — это ведь не просто милые моменты. Это библиотека опыта. Иногда — весьма полезного, иногда — очень поучительного, а иногда... ну, скажем честно, просто повод посмеяться.

Вот, например, возьми обычную библиотеку. Стоит себе книжка, написанная лет эдак 50 назад, — текст в ней ни-куда не делся. Открыл — и читай. А с воспоминаниями так не прокатит. Вчера ты помнил, что, когда впервые при-шел на танцы в седьмом классе, был в красной рубашке, сегодня — что в синей, а завтра вообще забудешь, участвовал ли ты в той истории или тебе ее просто рассказал кто-то из знако-мых. Но если ты эту историю уже кому-то рассказывал, то, скорее всего, немного приукрасил — для антуража. И в следу-

ющий раз она выйдет из архива уже с новыми спецэффектами. Ну, чтобы слушателю было интереснее. Да и самому приятнее: где еще ты герой, если не в своих байках?

Конечно, если рассказов много, они начинают смешивать-ся. Рассказываешь историю 20-летней давности — и тут же в голову лезет эпизод из 30-летней. Начинается каша. Вот ты уже в 1995-м, но почему-то рядом стоит и пьет кофе твой друг из 2008-го, а его там быть не могло в принципе. Память — она такая. Смешала, приправила, подала.

Но, честно говоря, в этом, по-моему, нет ничего плохого. Люди ведь не за датами пришли, а за историей. Им интересно слушать, если ты сам горишь своим рассказом. А если для это-го надо добавить немного юмора, чуть-чуть драмы и пригорш-ню приукрашивания — то почему бы и нет?

Так что вот я сейчас и пытаюсь собрать свои истории, как мозаики. Немного кривые, немного разномастные, но — мои. Может, кому-то и будет интересно их почитать. А если нет — ну что ж, значит, в следующий раз добавлю больше драмы. Или придумаю, что все это было на подводной лодке. Там любая история звучит убедительнее.

В дверь купе постучали; вошел начальник поезда — он выразил сожаление по поводу инцидента с воровством, а мы, наоборот, поблагодарили его за оперативность. В общем, поулыбавшись и сказав друг другу много до-брых слов, мы вернулись к моей книге.

Пожалуй, я расскажу о своем детстве: так вам проще будет понять, как рождается морской характер.

Ну вот, к примеру, маленькая история из детства.

ПИОНЕРСКИЙ РИТУАЛ

К

то из советских школьников не помнит, что в День пионерии их бесплатно пускали в кино? Но это уже в мае, а в апреле был священный ритуал — торжественный прием в пионеры 22 апреля, в день рождения самого Владимира Ильича.

Вот и мне, как образцовому третьекласснику, предстояло встать в строй юных ленинцев.

Но судьба, известная шутница, решила устроить мне испытание посерьезнее — в тот, 1973-й, год 22 апреля выпало не просто на воскресенье, а на *самую что ни на есть Пасху*.

Церемонию перенесли на 23-е, а я в воскресенье, 22 апреля, проснулся в радостном предвкушении выходного дня и отпра-вился во двор — поиграть с друзьями.

Там меня уже поджидал Мишка, мой верный соратник по хулиганским экспериментам, в компании двух таких же

«героев». Он что-то замышлял, но я, конечно, даже не догады-вался, что этот день навсегда войдет в мою личную историю как «Пасхальный провал».

—

Пошли на кладбище! — прошептал Мишка с видом заговорщика.

—

Зачем?

—

удивился

я.

—

Ну как зачем? Пасха, люди поминают, выпивают... Может, и нам перепадет?

Честно говоря, в свои десять лет я не питал особой страсти к алкоголю; но разве можно подвести товарищей!

Кладбище в тот день было, как проходной двор: бабушки в платочках, дедушки с авоськами, цветы, куличи... и, конечно, ритуальные сто грамм. Правда, ни один взрослый в здравом уме не стал бы наливать водку малолетним хулиганам.

Но Мишка, наш гений импровизации, быстро нашел

«бесхозную» могилу — родственники уже ушли, оставив на памятнике полбутылки «беленькой», печенье «Юби-лейное» и несколько барбарисок.

—

Вот и мы сейчас разговеемся! — торжествуя прошептал Мишка, загребая «трофеи».

Первый глоток водки стал для нас шоком. Горько, против-но, а главное — совсем не похоже на лимонад.

Но Мишка, как истинный лидер, не сдавался:

—

Ничего, сейчас найдем кого-нибудь, кто нам даст тару,

а

в

рюмке

это

будет

напиток

что
надо.
Главное

—
выпить

на

вы-

дохе! — сказал он, как настоящий профессионал.

И вот мы уже крадемся между могил, пока не замечаем двух женщин, склонившихся над одним из памятников со звездочкой сверху.

Они стоят спиной, тихо беседуют... И тут Мишка (видимо, двух глотков из горлышка ему хватило, и он стал смелее), недолго думая, выдает:

—

Эй! Бабульки, не дадите стаканчик нам? А то мы тут... в общем, похмелиться надо.

Женщины обернулись — и тут мое сердце упало в драные кеды. Одна из «бабулек» оказалась... учительницей из параллельного класса.

Дальше — как в тумане: визг, вопли, погоня, коленки, содранные об кладбищенские кусты.

Мы рванули с кладбища, как ошпаренные, даже бутылка полетела в крапиву.

Наутро, когда вся школа строилась на торжественную линейку, нас величественно выдернули из строя и объявили, что в пионеры мы не годимся; слава богу, что родителей в школу не вызвали.

Мечта о красном галстуке рухнула.

Но я не сдался! Через пару месяцев мы с родителями переехали, и в новой школе я героически притворился пионером, надев галстук на 1 сентября.

Никто не проверил. А «ксиву», как говорил герой фильма Гайдая, по этому случаю не выдавали.

Вот такой у меня был пионерский ритуал.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

**(14
лет)**

В

видимо, это случилось где-то между третьим просмотром индийского шедевра «Зита и Гита» и очередным черно-белым советским фильмом про важность тру-

дового подвига шахтеров-стахановцев с песней «Что ты знаешь о солнце, если в шахте ты не был», которую я много раз перефразировал потом: «Что ты знаешь о суше, если в море ты не был».

В общем, видимо, под действием прогрессивно-го индийского кинематографа, с его вечными танцами под дождем и глазами, полными трагедии, у меня вдруг... случилась первая любовь.

Речь идет о тех дивных временах, когда в моде были у мальчиков туфли на каблучке и водолазки, в портфелях — те-тради с Лениным, а в голове — смесь романтизма, советской этики и гормонального шторма. Я только что окончил седьмой класс, было лето, пионерские лагеря пролетели мимо —

наверное, родителям показалось, что ребенок, как домашняя герань, вполне способен выжить без смены обстановки.

Мы, местные мальчишки, придумали гениальную версию для объяснения ночевки под открытым небом: дескать, у нас дома спать жарко (про кондиционеры мы даже не слышали), и мы, значит, практикуем терапевтический сон на свежем воздухе. По этой причине в саду была установлена старая железная кровать с пружинами, которые скрипели, как потертое седло д'Артаньяна, — обтянутая старым тюлем от комаров.

И вот, когда родители погружались в сон, а в эфире шла

«Кинопанорама» в повторе, мы сбегали через дырку в заборе на соседнюю улицу. Там, между сиренью и облупленными скамейками, уже ждали девчонки — такие же беглянки из соседних дворов. Мы болтали, хохотали, обсуждали наших учителей, играли в какие-то примитивные игры вроде «бутылочки» и, разумеется, формировали первые пары — по законам симпатии, не подкрепленной еще ни разумом, ни логикой.

Среди этих ребят была и девочка, в которую я действительно влюбился, — она тоже жила здесь. И хотя тоже сидела на наших лавочках, но как-то ее не касались светлячки и наш

комариный романтизм. Мы учились в одной школе, но не в од-ном классе. Она была... как будто из другого фильма.

Звали ее то ли Лариса, то ли Светлана — не помню, я всегда путал женские имена. При-чем полюбил я ее не за гла-за, не за смех, не за походку — нет. Причина куда более пикантная. И я почти уверен: вы ее не угадаете. Особенно молодежь, у которой сегодня «любовь» изме-ряется числом лайков и реакций в мессенджере.

Дело в том, что Светлана собирала и разбирала автомат Калашникова... за 27 секунд.

Да-да. Это был школьный рекорд, абсолютный, почти мифический. Даже старшеклас-ники — бугры с голосом, как у Левитана, — не могли ее догнать. А Светлана сражалась с АКМ так, словно родилась в семье, где папа был комсоста-вом в бронетанковой дивизии. Я смотрел на нее и понимал: вот она, любовь. Хрупкая, с косичкой — и смертоносная.

Сейчас бы ее, наверное, сравнили с Умой Турман из «Убить Билла» или Женщиной-Кош-кой. Но тогда для меня она была просто Светка. Первая любовь и эталон военной грации.

Но вернемся в наш сад. Там тоже кипели страсти — пусть не Болливуд, но драма была что надо. Я в нашей уличной компании считался чем-то вроде лидера. То ли из-за роста, то ли потому, что умел рисовать Ленина, как на значке октябрят. И по этой негласной иерархии мне досталась та самая Светлана, покорительница АКМ.

Однако был и конкурент — мой одноклассник, Николай. Неглупый малый, но резковат. Видимо, в его голове тоже кру-тились сценарии индийских фильмов, потому что однажды он подошел ко мне, вздохнул с надрывом и заявил:

—

Знаешь,
мне
она
нравится.
Так
что
ты
давай
уступай.

Ну, по-дружески, а то, если что, могу и в лоб дать.

Я был потрясен, как будто он предложил мне отдать свой хлебный паек времен войны.

Естественно, в тот миг я растерялся — сказал что-то не-внятное про «родители зовут» и ретировался домой, поджав хвост, как разведчик, не завершивший операцию в тылу врага. Ночь я провел в раздумьях. Утром вышел во всеоружии.

Подхожу к Коле, беру за локоть, говорю:

—

Ну-ка,
отойдем.

(Так в те годы начинались поединки. Не по Уголовному кодексу, но по понятиям.)

—

Значит, так, — объясняю. — Ты что мне вчера сказал? Хочешь драться? Пойдем. Без свидетелей. Победитель полу-чает все, проигравший остается там, где и был. По-честному.

Николай заметно побледнел. Видимо, в его сценарии я должен был заплакать и отдать все добровольно. Он заер-зал, начал мяться и, наконец, выдал:

—

Да
ты

что...

Я

пошутил.

Конечно,

она

твоя.

Я не собирался драться.

Вот так и закончилась эта маленькая драма. Без крови, без слез, но с важным жизненным уроком. Эту историю я рассказываю для своих юных читателей. Иногда, чтобы выиграть, нужно просто сделать шаг назад, взять паузу — не сдаваясь, а чтобы вернуться более уверенным. В тот день я понял: пауза — не слабость. Это стратегия.

И, возможно, будь я чаще таким мудрым в жизни, как тогда, в седьмом классе, — избежал бы многих неудач.

Но, впрочем, кто из нас в 13-14 лет знал, что делает? Глав-ное — мы верили в любовь, дружбу и честную дуэль за сердце девчонки. А еще верили, что сборка автомата — достойное ос-нование для романтической привязанности.

И знаете... до сих пор в этом не сомневаюсь.

Немного позже мой рассказ стал почти не слышен — в со-седнем купе компания весель-чаков включила музыку на теле-фоне и громко смеялась. Она с досадой прикрыла глаза.

—

Вот так и до утра, — пробормотала Анна (так звали мою попутчицу).

—

Хотите,

попробуем

их

уговорить?

—

предложил

я.

—

А

вы

думаете,

получится?

Мы пошли вдвоем. Я заглянул и спокойно сказал:

—

Друзья,

если

вы

будете

шуметь

всю

ночь,

я

не

смо-гу

представить

свою
книгу.
А
эта
дама

—
выспаться.

Мо-жет, пойдем на компромисс?

Компания засмеялась, но звук убавила. Вернувшись, она впервые улыбнулась.

—
Ну
надо
же.
Обычно
такие
только
громче
начинают.

—
Секрет подводника, — ответил я. — Там всегда нужно договариваться, а не кричать. Под водой все равны.

МЕМУАРЫ

Я

вот как-то задумался над одной интересной вещью. Многие известные люди, когда дожи-
вают до почтенного возраста, вдруг начинают писать мемуары. И вро-

де бы все логично — человек пожил, многое повидал, есть что рассказать. Но вот беда: в девяти случаях из десяти эти воспо-минания оказываются ужасно скучными. Сухими, как флотский сухой паек. Хотя человек — не последний в истории: политик, ученый, артист, герой своего времени! Ну как же так?

Я долго думал, в чем дело. И понял: проблема, во-первых, в том, что они все это пишут в те годы, когда события стер-лись в памяти, как старые чернила. Мемуаристы уже не вспо-минают, а скорее констатируют факты. Мол, в таком-то году я поехал туда-то, делал то-то, вернулся тогда-то. И все. Без за-пахов, без голосов, без красок, без того самого духа жизни. Как говорят художники, нет воздуха в картине.

Вот, допустим, я пишу: «В 1980 году я был в стройотряде,

мы строили животноводческий комплекс (в простонародье — свинарник). Нас разме-стили в палатке, жили вшестером. Пи-тание было скромным, но сытным. Работа начиналась в семь утра. Было тяжело, но мы справились. Победа социализма!» Ну да, факт есть, но читать это — все равно что инструкцию по эксплуатации к бритве.

А теперь представим другую картину. Я, к примеру, вспоминаю, как ехал на эту стройку в поезде, где попутчи-ком оказался чекист, который, выпив три рюмки самогона, всю дорогу рассказывал, как лично в Ялте в ресторане ло-вил шпиков. И как я просил его замолчать, боясь, что утром, когда он протрезвеет, — вспомнит и на допрос вызовет. Или как по вече-рам, уставший после смены, желая насладиться вечерней прохладой на берегу водоема, я тай-ком подгляды-вал за бухгалтершей, которая с загадочной регулярностью купалась в местной речушке при луне, — и так элегантно, что хотелось продавать билеты на это представление. Пото-му что делала она это с чувством собственного достоинства и ни разу не подала вида, что замечает меня, хотя это было неизбежно. Или как бригадир, натуральный тиран, заставлял нас

сортировать гравий по цвету, якобы «для эстетики», — а потом выяснилось, что он дальтоник и не может отличить траву от асфальта.

Вот это уже история! И пусть в ней, может, и нет глобальной значимости, но зато она живая. В ней — на-строение, характеры, запах костра, комары и тот стран-ный вкус первого шашлыка на самодельном мангале, где вместо шампуров — ивовые прутьики.

И еще. Анализируя жизненные истории своих знакомых (ну и свою, чего уж скрывать), я все больше убеждаюсь: мы, взрослые, — на самом деле просто дети, которым выдали паспорт и водительское удостоверение. Мы отчаянно стара-емся реализовать те самые подростковые мечты и победить комплексы, которые тянутся за нами с тех времен, когда у нас были прыщи, мечты и не было денег.

Ну вот, например. Был ты маленьким, худым, плюгавень-ким. Девочки — особенно кра-сивые и высокие — проходили, как мимо фонарного столба: замечают, но не останавливаются. А потом ты вырастаешь, подтягиваешь пресс, подтягиваешь свя-зи, чего-то добиваешься — и, разумеется, твоей женой становится именно такая: высокая, красивая, и чтобы обязательно напомина-ла тех, кто когда-то на тебя не смотрел. И ты, стоя рядом, как бы говоришь всему миру: «Вот, смотрите, я добился чего хотел!»

Или другой пример: у соседа была «Волга», а у тебя дома — максимум велосипед «Салют» с погнутым крылом. Папа хоть и золотой человек, но даже «Запорожец» ему был не по карману. И вот ты растешь с мыслью: «Ничего, зато я вырасту — и куплю себе такую машину, чтобы у нее фары были умнее, чем весь наш класс вместе взятый!» А когда по-купа-ешь — не столько радуешься, сколько чувствуешь: «Ну вот, подростковому мне можно гордо вручить кубок за лич-ную компенсацию детских обид».

Собственно, думаю, что именно такой подростковый мак-симализм и стал моим топли-вом. Я рос на окраине города, и на почтовом конверте писал: «Ростовская область, Советский район, поселок Интернациональный» — и потом какое-то не-взрачное название улицы типа Железнодорожная, а хотелось написать: «Москва, проспект Академика Королева, 12» — кра-сиво и коротко. Рос в семье, где деньги считались чаще не по купюрам, а по медякам. Роди-тели дали мне главное — любовь, честность и умение варить борщи из ничего. Но ай-фонов, поездок на море и занятий в кружке верховой езды мне не перепало. Всего, чего добился, — добился, как говорится, вручную, иногда с помощью лома и хитрости.

Так что, оглядываясь назад, понимаю: я просто очень ста-рался доказать тому худенькому мальчику из прошлого, что все у нас получится. И, кажется, он мной доволен. Хотя иногда он мне «говорит»: мог бы машину и подороже выбрать... Но после вертолета я вообще, садясь за руль любой машины, думаю: хо-рошо, что ее можно остановить практически в любой момент.

И вот именно это я сейчас стараюсь сделать: копаюсь в сво-ем архиве памяти, как в ста-ром сундуке на чердаке. Выкидываю пыльные, скучные справки и заметки и оставляю те исто-рии, от которых самому становится смешно, неловко или даже не-много грустно. Где хочется воскликнуть: «Вот это была жизнь!» Я не претендую на роль великого мемуариста. Я про-сто хочу, чтобы человек, открывший мои воспоминания, уже не мог оторваться. Чтобы они похо-дили не на школьный учеб-ник, а на вечерний разговор с хорошим собеседником, в кото-ром есть и смех, и правда, и немного фантазии. Потому что если уж и писать про жизнь — то так, чтобы она снова ожила

на бумаге. А не скучала в строчках.

Ведь что такое мемуары? Это не отчет. Это попытка рас-сказать, как это все было — не по датам, а по ощущениям. Как поет певица Елена Ваенга, важно не что, а как. И если мне удастся найти этот баланс между тем, что хочу сказать я, и тем, что интересно читателю, —

тогда, может быть, получится не просто книга, а что-то большее. Живая. Настоящая. И, надеюсь, не слишком занудная история.

МОЛОДОСТЬ

В

моей молодости — а она, как теперь кажется, слу-чилась где-то между исчезновением динозавров и появлением Wi-Fi — я возвращался в военное

училище из отпуска на поезде № 7 Ленинград — Севасто-поль: он проходил через мой городок. Поезд этот был не про-сто средством передвижения, а настоящей машиной времени: за эти несколько часов ты успева-л прожить маленькую жизнь, обзавестись временными дру-зьями, врагами, а некоторые даже

встречали любовь — ну или, на крайний случай, тебе приноси-ли стакан в подстаканнике и два кусочка сахара, а на станции можно было купить яблок или просто семечек в газете.

Самое волшебное начиналось, когда мы принимались петлять между скал и туннелей Инкермана, или, как он рань-ше назывался, Белокаменска. Поезд, будто заговоренный, нырял в туннели, выныривал, вздыхал и, наконец, оказывал-ся на берегу Севастопольской бухты. Это

было как финальный аккорд симфонии: ты смотришь в окно, а там — ги-гантские, могучие корабли, стоящие так близко к рельсам, что казалось: протяни руку — и потрогаешь швартов. Всё

вокруг — бухта, город, воздух — звенело от утренней свежести, звуков трубы и громогласной команды: «Флаг гюйс поднять!» Это было как театральное представление, только без занавеса и с орудиями главного калибра.

Корабли, сверкающие свежей краской, были не просто техникой — они были живыми. В них чувствовалась душа, потому что их любили, о них заботились. На палубах уже строились команды, белели бескозырки и фуражки, и каждый знал свое место. А я, юный курсант с сумкой, полной немного мятой формы и глупых надежд, замирал у окна, потому что внутри что-то шелкало: «Ты дома. Здесь твоя гавань».

Эти минуты — как удар током. Корабли казались сказочными: массивные, как великаны, и при этом грациозные. Сразу начинала распирать гордость: вот оно, наше — мощное, красивое, непобедимое. Хотелось сразу натянуть бескозырку, взобраться на палубу и командовать — хотя бы отделением матросов. Хотя бы одним матросом...

Сегодня... ну, что сказать. Сейчас таких картин уже не встретишь. Время делает с реальностью то же, что и ржавчина — с палубой: стирает блеск. И, может, поэтому воспоминания так сильно держатся. Как засохшие пятна от машинного масла на тельняшке — не отстирываются. И хорошо. Потому что в них — живое.

Иногда я ловлю себя на мечте: как бы было здорово снова подняться по трапу, позвать руку вахтенному — такому же молодому и сонному, как когда-то я, — вдохнуть этот чистый, с привкусом краски и мазута воздух. Пройтись по правому борту мимо огромных катушек брашпильей, задержаться на полубаке, как старый моряк в рекламной брошюре, сказать что-нибудь дежурно-мудрое вроде: «Вот здесь мы в 86-м...» — и уйти дальше, вглубь корабля. Пройти по коридорам, мимо кают, где над дверями висят таблички с должностями комсостава, и попасть в кают-компанию, где старпом обязательно травит свою вечную, никем не понятую байку. Взять стакан крепкого, обжигающего чая — и почувствовать, что ты снова часть команды, часть флотской души.

А потом непременно — на мостик. Там — штурман, рулевой. Команда: «Отдать швартовые!» — и сердце замирает. «Сняться с якоря!» — и корабль, приходя в движение, плавно трогается.

«Самый малый — вперед!» — и ты уже плывешь, как по воспоминаниям, скользишь по зеркальной глади бухты. Маленькие катера и лодочки улепетывают от тебя, как мышки от серого грозного кота. Мимо памятника затопленным кораблям, мимо Графской пристани, мимо боновых заграждений — в открытое море, туда, где горизонт. Где свобода. Где море, которое не спрашивает, сколько тебе лет и боишься ты шторма или нет.

Но, как говорится, в одну воду дважды не войдешь. Особенно если это вода Севастопольской бухты, и ты давно уже больше в «запасе» жизни, чем в строю. Жаль. Но, с другой стороны, лучше пусть останется так — в памяти, где все по флотскому уставу: четко, гордо и с запахом свежей краски.

В своих рассказах я хочу поделиться самыми интересными и запоминающимися историями из времен моей юности — тех сумасшедших, ярких лет, когда я постигал морскую науку в военноморском училище, служил на флоте, а затем продолжил учебу в ленинградской военно-морской академии. Это были годы, когда жизнь была ключом, причем чаще всего по голове, — но с каждым ударом я становился немного умнее... или просто веселее.

В
КУПЕ

Т

елефон зазвонил резко, трель как будто врезалась в тишину вагона.

Она взглянула на экран, нахмурилась и решитель-но нажала «отбой».

Через минуту звонок повторился. Ее пальцы нервно дерну-лись, и снова — отказ.

Когда звонок раздался в третий раз, она коротко извинилась и почти выскочила в коридор.

Я остался в купе, но перегородки в поездах тонки, и слова легко просачиваются сквозь металл и пластик.

— Я же просила вас не звонить... — Ее голос дрожал, но в нем звучала сталь. — Я приеду, и мы все обсудим. Сейчас я не хочу говорить!

Тишина. Потом короткий сигнал отбоя.

Анна вернулась минут через десять. Лицо собранное, но гла-за выдавали ее — влажные ресницы, покрасневшие веки. Она села на свое место, какое-то время смотрела в окно, где проно-сились деревни и поля, подсвеченные редкими фонарями.

Я сделал вид, что увлечен страницами своей книги. Пони-мал: спрашивать прямо — значит лезть в чужую боль. Пусть сама решит, захочет ли открыть ее.

Прошло несколько минут молчания. Потом она неожиданно сказала:

— Продолжайте... пожалуйста. Ее голос был мягче, чем раньше. Внем появилась какая-тохруп-

кость. Словно в этих историях она искала что-то для себя — опору, возможность отвлечься или, может быть, ответ.

Я откашлялся и снова начал читать. Слова ложились в тишину купе, переплетаясь с ритмом колес, и я чув-ствовал, что теперь она слушает не вполуха, не сквозь экран телефона, а по-настоящему.

Первое великое открытие в моей жизни — это, конечно, Севастополь. До того момента я не подозревал, что город может быть настолько красивым. Он выглядел так, будто его кто-то вырезал из мрамора и приправил морской славой. Белый камень, парки, памятники, флотская выправка и, главное, удивительно добрые, открытые люди. Я, честно говоря, был готов ожидать чего угодно — от зубастых старшин до грозных адмиралов, — но вместо этого встретил настоящую теплоту, получил очень живое, душевное ощущение: «Ты здесь свой». Хотя внешне я тогда больше напоминал потерянного курсанта с вечной складкой на фланельке и улыбкой в глазах.

Учеба в Высшем военно-морском инженерном училище — это была уже не романтика, а скорее реали-шоу на выжи-вание. Это место не просто воспитывало характер — оно его буквально выдавливало, как морскую пену из бушующего моря. Но, надо признаться, именно там я впервые понял, что могу если не все, то, по крайней мере, гораздо больше, чем

думал. И хоть иногда хотелось сбежать куда-нибудь в туман-ные дали, обратно в родную Ростовскую область, и прятать-ся за забором родительского сада, я остался.

Само училище было похоже на отдельную вселенную: рас-кинулось на берегу одной из самых живописных бухт Севастопо-ля. Территория необъятная, людей много, но всегда можно было найти уединенный угол, чтобы поговорить с собой. Ну, или хотя бы сделать вид, что думаешь о вечном, пока на тебе сушится форма после очередного заплыва в неизвестность. А преподаватели... Вот где была настоящая роскошь. Офице-ры и мичманы с опытом, с умом, с харизмой — каждый мог бы стать героем романа, а не просто лектором по термодинами-ке дизельного двигателя. Я не знаю, почему мне так повезло, но их вклад в мою личность — как хороший якорь в шторм: незаметный, но жизненно необходимый.

Комбинация: училище, город, люди — все это стало для меня не просто обстоятельствами, а настоящим воспитанием. Думаю, если бы остался дома, я бы сейчас был совершенно другим человеком. Может, у меня была бы корова, двое детей и страсть к рыбалке... А может, и нет. Но точно не было бы этих историй. После окончания училища, вопреки всеобщему стремлению уехать в места, где платят больше (все эти суровые Камчатки и морозные базы на Севере), я остался в Севастополе. И, честно, ни на одну минуту об этом не пожалел. Мне повезло: я попал в уникальное подразделение, на не менее уникальный корабль, и повстречал огромное количество удивительных людей.

Вообще, моя жизнь — это череда знакомств. Иногда мне кажется, что я просто коллекционер людей. Каждый — как отдельная планета со своей орбитой, историей, шутками и трагедиями. Мы вроде бы все из одного теста: одни вузы, одна одежда, — но насколько по-разному мы живем! И это, пожалуй, и есть настоящая магия жизни.

Я расскажу вам о годах службы, о буднях и праздниках, о тревогах, глупостях, победах и, конечно, поражениях (куда ж без них?). Но начать мне бы хотелось... с конца. Хотя нет — не будем забегать вперед. Все по порядку. Вы сами все прочитаете.

Самое удивительное для меня в те годы — это, наверное, как я оказался в инженерном училище, а не в командном. Я по-давал документы в училище имени Нахимова, мечтая стать тем, кем с детства восхищался, — командиром, капитаном. Но, как это часто бывает в жизни, что-то пошло не так. То ли в военкомате перепутали бумаги, то ли кто-то решил, что я не такой уж и командир, а скорее инженер, — в общем, документы направили не туда. Вместо того чтобы попасть в им. Нахимова, я оказался в инженерном училище, расположенном в бухте Голландия.

Как только я узнал об этом, то прямо в тот же день побежал к своему командиру потока. До сих пор помню его фамилию — Путилин. Он был одним из тех людей, которые могут смотреть на тебя, как на открытый учебник, и при этом не улыбаться. Я тогда подскочил к нему с уверенностью, что сейчас все объясню, документы заберу и отправлюсь туда, где меня ждет слава. Ну, или хотя бы перспективы.

Я сказал ему, что они должны срочно вернуть мои документы и направить меня в то училище, куда я хотел. Путилин посадил меня напротив себя, посмотрел мне в глаза, и знаете, что сказал? «Слушай, парень, мне с высоты моих сорока с небольшим лет как-то проще разглядеть твою судьбу. И вот что я тебе скажу: жизнь — штука уникальная. И не важно, где ты учишься, главное — чего ты хочешь добиться».

Он продолжил: «Я знаю кучу случаев, когда люди оканчивали инженерные училища, а потом становились отличными командирами, потому что по-настоящему хотели ими стать. Так что не стоит сейчас суетиться, это не так уж важно. Жизнь подскажет тебе, что я был прав».

В тот момент я подумал, что он, наверное, прав — хотя, если честно, тогда я был уверен, что жизнь мне подскажет, как быстренько вытащить свои документы и направить их в училище им. Нахимова. Но как-то в глубине души почувствовал, что Путилин говорит что-то важное. Он был мудрым человеком, и я вдруг понял, что, возможно, стоит его послушать.

Знаете, что удивительно? Это был тот момент, когда мне впервые стало ясно: не всегда то, что кажется неправильным, оказывается ошибкой. Я остался в инженерном училище, а позже в жизни как-то все сложилось так, что я действительно стал командиром — подводного аппарата. И, скажу вам, это было невероятно: когда я наводил порядок на своем аппарате, я вдруг понял, что все, чему меня учили, — это не просто абстрактные знания, а реальные навыки, которые могут вывести тебя на совершенно новый уровень и которые мне очень помогли. Ведь

недаром в американских ВМФ командирами подводных лодок назначают механиков, потому что они лучше знают матчасть.

В тот момент мне, честно говоря, было сложно поверить, но так и произошло. Я искренне благодарен Путилину за этот совет — даже если тогда я был полон недоумения, сейчас, вспоминая тот разговор, ловлю себя на мысли, что, возможно, его слова изменили мою жизнь в лучшую сторону.

Вот так и получилось, что я окончил инженерное училище, а в итоге стал тем, кем и мечтал. Командиром, но только не на боевом корабле, а в мире подводных машин, где каждый твой шаг — словно прыжок в неизведанные глубины.

В самом начале своих рассказов я уже, если помните, сето-вал на прелести жизни в военном училище. Ах, эти годы! Подъ-ем в 7.00, каша в железной миске, вместо кофе — кофейный на-питок с цикорием, романтика с привкусом наряда вне очереди.

Но сегодня мне также хочется рассказать и о другой жизни — о Севастополе, о времени, когда я был уже не курсантом с вечно начищенной бляхой, а вполне себе офицером. Почти свободным человеком. Ну, или хотя бы делающим вид.

Если старший курс казался мне уже чем-то вроде при-граничной зоны свободы — где на горизонте виден выход, но еще за колючкой, — то жизнь офицера воспринималась как нечто совершенно фантастическое. В общем, почти рай. Причем не в переносном смысле, а почти в буквальном — с зар-платой аж в 300 рублей (по тем временам — это о-го-го), с лич-ным автомобилем (пусть и таким, который глох на каждом пово-роте) и, внимание, с жильем. Пусть съемным, пусть скромным, но своим. Закрыл дверь — и ты в автономном плавании.

Главное же — наконец-то разрешили носить гражданскую одежду! Да, дорогой читатель, ты, возможно, не поймешь, но для нас, курсантов, даже мысль о джинсах была почти уго-ловно наказуема. А тут — пожалуйста. Хочешь — в куртке, хочешь — в футболке с модным (на тот момент) орлом «Мон-тана». Даже вельвет носили — смело, гордо, по-офицерски.

Свобода проникала во все поры. Я вспоминал, как в училище нас гоняли по пятики-лометровым марш-броскам в кирзовых бо-тинках (мы их называли «прогары» или «гады»), которые весили больше, чем сам курсант после утренней зарядки. Мы не бега-ли — мы гре-мели, как кавалерия Суворова при переправе через Альпы. А потом, когда удавалось выбраться в город и натянуть простые кеды, — такое ощущение, что ноги вот-вот оторвутся от земли. Летел! Почти как Чкалов под Дворцовым мостом.

Вот и офицерская жизнь вызывала те же эмоции. Ты вдруг понимал: у тебя есть выход-ной. И он — твой. Никто не за-ставляет строиться, никто не орет в мегафон. Можно поехать на пляж. А можно — в кино. Можно отправиться в ресторан, потратить часть зарплаты на бефстроганов и шампанское и ни перед кем за это не отчитываться.

А особенно сладко было проснуться под утро... вернее, лечь спать под утро. После весе-лой ночи, прогулок по набе-режной, танцев, разговоров о жизни — и никто не кричит:

«Рота, подъем!» Никто не спрашивает: «Почему бляха не бле-стит, товарищ курсант?» Потому что ты уже не курсант. Ты офицер. Почти хозяин своей судьбы.

Хотя, надо признать, Севастополь — это не Ялта (куда мы, кстати, регулярно катались, когда душа просила просторов и южного солнца). Севастополь был и остается городом су-ровым. Морским. Военным. Улицы с выправкой, как у комен-данта, полковника Бедарева, который был в 80-е годы грозой всех военнослужащих города и о котором слагали легенды. Тут нельзя было расслабиться совсем — за плечом всегда чувство-вался взгляд города, строгий, внимательный, потому что все в этом городе или служили, или были родственниками моря-ков, или хотели выйти замуж за моряка.

Но все равно... Это было время особенное. Молодость, свобода, немного денег, первый руль, первый балкон с видом на бухту и ощущение, что все только начинается.

Вот такие были времена. Сегодня, оглядываясь назад, вспоминаешь не столько трудности, сколько то, как сладко они сменялись маленькими радостями. И становится немного грустно — но по-хорошему. По-настоящему.

Стрелки часов уверенно ползли к полуночи. В купе царила тихая усталость дороги: вагон слегка покачивался, за окном проплывали редкие огни полустанков, и все это складывалось в ритм — колеса отбивали свою вечную песню: тук-тук, тук-тук. Я поймал себя на мысли, что, наверное, уже перегрузил свою попутчицу историями. Пусть даже ей и стало чуть интереснее, но утомить человека в пути проще простого.

— Может, свет выключим? — предложил я. — Утром, если захотите, продолжим.

Она коротко кивнула, и мы погрузились в полумрак.

Я долго не мог заснуть. Мысли ходили кругами: о том, как пройдет встреча с сослуживцами, что скажут о моей книге те, с кем мы когда-то делили и радость, и риск. Я представлял их лица, морщины у глаз, их смех — тот самый, который не спутаешь ни с чем.

Но куда настойчивее этих воспоминаний возвращался образ моей попутчицы. Что-то ее мучило. Это чувствовалось во всем: в резком тоне бесед по телефону, в сжатых пальцах на коленях, в том, как блеснули слезы на ресницах, когда она вернулась в купе. Анна будто несла в себе тайну, тяжелую и личную, которую не хотела никому доверять.

Поезд мчался сквозь ночь, и мне казалось, что эта тайна тоже едет с нами, сидит здесь, между нашими полками.

Утро в поезде приходит не сразу, а как-то украдкой. Сначала меня разбудил стук колес, ставший чуть мягче, будто они осторожно шли по мосту. Потом — слабый свет, пробиравшийся сквозь занавеску, и запах кипятка — проводница уже разносила утренние подстаканники.

Я сел, прикрыв глаза рукой, и увидел, что моя попутчица тоже не спала. Она сидела на своей полке, обхватив колени, и смотрела в окно. Лицо у нее было уставшее, но не от сна — от мыслей.

—
Доброе
утро,

—
сказал
я
негромко. Она кивнула:

—
Доброе.
Вы,
наверное,
хорошо
спали?

—
Не
очень.
Колеса
шумят,
да
и

мысли
мешают. Она улыбнулась, но грустно.

—

Мне тоже. Даже если бы поезд стоял на месте, я бы
все равно не уснула.

Мы замолчали. Проводница принесла чай — тот самый, с тонкой долькой лимона, и печенье «Юбилейное», которое в поезде почему-то всегда кажется вкуснее, чем дома.

Она взяла стакан в руки, подержала немного, глядя, как в янтарной жидкости плавают кружочек лимона. Потом ска-зала тихо, будто боялась, что ее услышит весь вагон:

—

Знаете...

Я

ведь

еду

не

отдыхать.

И

не

в

командировку.

Я

ничего

не

ответил,

только

кивнул,

показывая,

что

слушаю.

—

У

меня...

мама

тяжело

больна.

Врачи

сказали, что

жить

ей

осталось

недолго.

И

перед

самой

болезнью... она открыла мне правду. — Анна замолчала, словно прове-ряя, стоит ли говорить дальше. — Мой отец... живет в Сева-стополе. И он никогда не знал обо мне.

Она резко отставила стакан, словно обожглась.

—

Всю

жизнь
мама
молчала.

А
теперь,
когда
уходит...

И
вот
я
еду
к
нему.
Сказать,
что
я
есть.
Это
ее
последнее
желание.

...

—

Ну,
что
вы
замолчали,
продолжайте,

—

обратилась
ко
мне
она.

«ОПЕЛЬ»

—

**НА
КВАРТИРУ**

С

лучались в моей жизни разные эпизоды, но один особенно запомнился. Дело происходило в конце 80-х. Мо-лодежь теперь и представить не может, как в советское время было сложно с жильем: квартиру нельзя купить, ее выдает государство, и продать официально нельзя, а желания жить отдельно — хоть отбавляй. Каждый выкручивался как мог.

Я тогда был холостой, молодой, с перспективами неясными, но с мечтой о собственном угле. И вот однажды мой знакомый, Серега Константинов, человек с опытом житейским и подходом гибким, сказал:

—

Помочь

могу.

Есть

вариант.

И назначил встречу в кафе в центре.

В назначенное время за столик села она — женщина лет сорока пяти, с ухоженным лицом, уверенным взглядом и манерами, от которых веяло сразу и стилем, и улицей.

—

Есть у меня квартира, на Большой Морской, — сказала она с паузой, как будто в кино. — Обменяю на машину. Ту, что ты из Германии пригнал. Opel Rekord.

Я чуть не поперхнулся кофе:

—

Так

просто?

—

Не совсем, — усмехнулась она. — Надо будет заключить фиктивный брак. Пропишу тебя — потом разведемся. Машина моя, квартира — твоя. Чисто.

Выглядело все как в фильме, где герой еще не знает, что второй акт уже написан без него.

Меня, честно говоря, не столько юридическая сторона смущала, сколько детали схемы. Ну хорошо, распишемся, пропишет... А когда она выпишется? А если не разведемся? И вообще — когда я должен отдать машину? До? После? Вместе с цветами и шампанским? Слишком много «если».

Через пару дней она позвонила и позвала на еще одну встречу. В том же кафе. Я пришел, как положено: с букетиком, чтобы выглядеть прилично. Она — в ярко-красном брючном костюме, прическа с лаком, как будто со съемок передачи «Поле чудес», только кто должен угадывать слово — не ясно. Но вскоре мне стало понятно, что это слово

«мошенники». Но давайте по порядку...

—

Знаешь,

—

сказала

она,

—

моя

квартира

стоит

дороже

тво-

ей

машины.

Давай-ка

ты

еще

три

тысячи

накинешь.

До

ЗАГСа.

Аргумент весомый, и вроде бы по-честному. Но во мне уже зашевелился внутренний опер УГРО — что-то тут не вяза-

лось. Я изобразил на лице задумчивость и вдруг краем глаза увидел мужчину за пределами кафе, на лужайке, который, как мне показалось, делал знаки рукой моей даме. А поймав мой взгляд, тут же стал изображать человека, который занимается йогой. Причем это получилось очень непринужденно, и я даже на какое-то время подумал, что так оно и есть. В общем, я не подал вида и, закончив беседу, встал.

Попрощались. Женщина осталась в кафе, а я сел в машину и поехал — но мысли не давали покоя. Крутил в голове разговор, прикидывал, размышлял. Сделал круг по центру и подумал: «А ну-ка, загляну обратно. Мало ли». Возвращаюсь в кафе, захожу тихо — и что я вижу?

За ее столиком сидят двое. Такие типажи, что не перепутаешь: волосы назад, куртки кожаные, повадки, как у ребят, что «пасутся» возле «Каштана», наблюдая за лохами. Типичные разводчики, с фантазией и с хваткой. И один из них — тот, что занимался йогой.

Я сел у перегородки — и, будто в кино, начал подслушивать. Услышал ровно то, чего больше всего боялся:

— До ЗАГСа он машину и деньги отдаст, а потом — гуляй, Вася. Ни квартиры, ни прописки. Разведем его, как мальчишку.

Затылок бросило в жар. Подумал: «Вот дурак! А ведь почти поверил. Почти вляпался». Но бог отвел, как говорится.

Вышел я на улицу — и впервые за долгое время вдохнул севастопольский воздух с особым вкусом. Там, где Большая Морская встречает бульвары и судьбы, где за чаркой можно продать судьбу, но лучше вовремя отойти от стола.

КИНО

К

инематограф не просто вошел в мою жизнь — он ворвался, словно неистовый ураган, сметая на своем пути все обыденное и серое. Хотя, если быть

честным, до определенного возраста кино было для меня чем-то далеким и почти мифическим.

В раннем детстве экран — тот самый, тускло мерцающий ящик в углу комнаты — показывал черно-белые мультфильмы, которые длились жалкие 10-15 минут в день. И это в те драгоценные часы, когда улица звала криками друзей, ревом мопедов (или, как их называли, моторчиков) и стуком мячей об асфальт. Нет, такие мультфильмы не могли оставить на душе заметного следа — разве что легкое воспоминание о зайце и волке из «Ну, погоди!».

По-настоящему кино раскрылось мне лет в тринадцать, как раз тогда, когда внутренний мир подростка особенно уязвим, полон великих открытий и смелых мечтаний. Мой отец тогда работал директором Дворца культуры — того самого, что пахнет пыльными шторами сцены, кожаном сидений и затихающим только к ночи многоголосьем музыкальных инструментов в различных кружках. В один из них ходил и я. Но главное — в этом Дворце имелся кинотеатр. И у меня, как у сына директора, был безлимитный, почти магический доступ в кинобудку — или, лучше, кинорубку.

Ах, кинорубка! Полумрак, гул катушек, горячее дыхание проекторов, которые, казалось, знали и хранили все тайны кинематографа. Там царил киномеханик Никанор — человек с лицом вечного недосыпа и руками, пахнущими пленкой и машинным маслом. Он позволял

мне вставлять пленку, запускать проекторы, и в эти моменты я ощущал себя вовсе не зрителем, а частью священного культа — миниатюрной шестеренкой огромного кинематографического механизма.

А еще он мне дарил рекламные плакаты, что потом украшали стену над моей кроватью, заменив собой скучный ковер с оленями. Их волшебство заключалось в запахе — пьянящем аромате типографской краски, который каждую ночь переносил меня в иные миры, превращая во сне в отважного героя просмотренных кинолент.

Я не просто смотрел фильмы — я их переживал. Я входил в экран, растворялся в нем, дышал вместе с героями. Помню, как после очередной серии «Зорро» был настолько вдохновлен его акробатическими подвигами, что, когда билетерша попросила закрыть верхнюю защелку на двери, я — весь в образе — взобрался на нее, как настоящий дон Диего. А дверь то была метра три, не меньше. Ну что ж, кино влияет на людей по-разному...

Где-то в седьмом классе я уже чувствовал себя почти промоутером: однажды бесплатно притащил на показ «Фантомаса» пятерых или шестерых приятелей, тех самых, с которыми гулял по ночам. Вдохновленный, как мне казалось, высоким искус-

ством, я не учел лишь одного: в зале оказался руководитель отдела культуры — начальник моего отца. Скажем так... последствия были, и оscarовскую речь мне тогда произнести не дали, но дали подзатыльник, который надолго запомнился мне.

Но кино продолжало вплетаться в мою судьбу. В старших классах я стал единственным «штатным» киномехаником школьного проектора — скорее всего, потому, что других не было. Литературный кабинет, пленки в железных коробках, теплая тьма зала и благосклонность директрисы, которая была преподавательницей литературы: она закрывала глаза на мои прогулы уроков (при условии, конечно, что фильмы шли четко и без обрывов). Отметки были отличные, ведь кто же поставит плохую оценку тому, кто дает кино!

Тогда-то я и почувствовал магию кинематографистов. Просмотр фильма «В моей смерти прошу винить Клаву К.» породил в душе легкую, но настоящую влюбленность. В кого — загадка: в героиню, в актрису, в самую грустную, застывшую на пленке? Не знаю. Но душу мою задел нежный ветерок, едва я переступил порог кинотеатра.

Позже, уже будучи курсантом военного училища, я вновь убедился в том, насколько сильно кино может влиять на человека. Мы с однокурсниками решились на самоволку — лишь бы посмотреть новый югославский фильм. Без документов, без разрешения. Чтобы замаскироваться, нацепили на рукава повязки «патруль» — мол, свои. Глупо, конечно. Особенно когда прямо в зале столкнулись с нашим старшиной роты, пришедшим туда с девушкой. Ах, кино... Оно, конечно, искусство, но устав тоже никто не отменял. В итоге время первого отпуска домой я провел в казарме, бодро шлепая кистью с краской по стенам ротного помещения и таская всякую всячину по приказу начальства.

К счастью, на выручку пришла мама моей знакомой — женщина, вся жизнь которой прошла на почте. С легкостью истинного профессионала она состряпала «срочную телеграмму» о внезапной болезни родственника. Нынешнее

поколение, выросшее на мессенджерах, уже и не поймет, что это была не СМС в «Телеграме», а настоящая бумажная лента с гулко стучащего аппарата, передававшего срочные сообщения из другого города. Командир, человек бывалый, лишь усмехнулся и потребовал подтверждения из военкомата. Но почтовая волшебница и тут не смутилась: «Если нужно, — сказала она, — я и от имени министра подпишу!» Так, с ее легкой руки, мне и удалось выкрутиться.

Все это — долгий, петляющий путь, который привел меня однажды к решению снимать свое кино. И думается мне, что этот путь начался именно там — в маленькой темной кино-

рубке провинциального Дворца культуры, когда дрожащая пленка начинала свой бег, а я, 13-летний мальчишка, замирал в предвкушении очередной истории. Возможно, именно тогда во мне и родился тот, кто теперь хотел не просто смотреть — но и создавать.

Ну а что? Даже Владимир Ильич Ленин сказал:

«...из всех искусств для нас важнейшим является кино». Так что у меня просто не было выбора.

Я тогда привык судить о людях по их поступкам и, главное, по конечному результату — сделал дело, получил результат, молодец. Все просто, как в уставе ВМФ. Но тут появилась Владислава — человек с тонкой, творческой натурой и, как выяснилось, с рентгеном вместо взгляда. Она умела разглядеть в людях не только то, что видно снаружи, но и то, что у них творится внутри. Их душу.

И вот, если смотреть на людей через призму ее рассуждений, то все становилось гораздо сложнее... и интереснее. Да, человек добился результата — но какой ценой? Что он при этом чувствовал, кем стал на этом пути, кого, может быть, оставил позади? Это были вопросы, которые я, признаюсь, раньше старательно обходил стороной — как дети обходят брокколи на тарелке.

А Владислава, можно сказать, открыла мне глаза. Или хотя бы приоткрыла. Я начал замечать, что за каждым

поступком есть человек, а за каждым результатом — история. И теперь, когда кто-то говорит: «Я сделал это», — я уже не спешу аплодировать, а сначала думаю: «А чего тебе это стоило?» Владислава, моя жена — тогда еще, в начале 90-х, будущая, разумеется, — была студенткой театрального вуза. Представьте себе: я, морской офицер, подводник, уставший от дисциплины, устава и глубины (в прямом и переносном смысле), и она — вся такая свободная, творческая, с платком на плечах, как у Ахматовой, и с глазами, полными идей, которые я раньше считал

«революционными». Что удивительно, именно ее, казалось бы, простые и открытые суждения помогли мне, военному, выпускнику академии, в прошлом — отчаянному члену КПСС, вдруг остановиться, осмотреться и понять, что мир-то уже другой.

Что честность, порядочность, ответственность — все то, с чем нас в советское время учили «идти в разведку» (хотя, признаюсь, это выражение меня всегда слегка раздражало — я ведь, черт побери, моряк, а не разведчик), — так вот, все эти качества куда-то испарились. Их будто бы подменили, как тогда говорили, рыночными отношениями, ценниками, выгодой. И честным теперь можно быть только себе в убыток.

Но вернемся к Владиславе. Она жила в общежитии нашей военно-морской академии. Ее отец, настоящий полковник, летчик, был преподавателем, а мама работала в этом же здании вахтером. Причем не просто вахтером, а подлинным стражем академической морали и пожарной безопасности. Именно с ее мамой я и познакомился сначала — по долгу службы, так сказать. И только потом увидел Владиславу. Мама Владиславы — это вообще отдельная глава. Первое, что меня поразило, — это ее внешность. Но главное — ее легкость в общении. С ней можно было говорить о чем угодно.

Но самое сильное впечатление на меня произвел ее голос. Когда Виктория Викторовна пела — все вокруг замирало. Вот возьмем, например, «Погоду в доме». Лариса Долина, конечно, профессионал — мощь, техника, нота в ноту. Но когда Виктория Викторовна исполнила эту песню, в ней

звучало не только музыкальное мастерство, а еще и жизнь. Личная, прожитая, иногда со сквозняками и общежитием, иногда — с солнцем, морем и весной.

Но вернемся к Владиславе. Она появилась как-то днем — в джинсах-клеш и в кожаной куртке, которую у нее потом украли, с растрепанной копной прекрасных волос ниже по-яса и томиком Чехова под мышкой. С тех пор многое изменилось, но по сей день удивляюсь, как именно эта тонкая, упрямая девушка с театральной мечтой помогла мне выйти из идеологической глубины на поверхность и, как говорят коллеги, «осмотреться в отсеках».

Владислава и сейчас неотразимая женщина, но в 19 лет... красота плюс молодость и, как говорят французы, либерте мыслей. Когда она выходила из общежития, возле подъезда всегда стояли двое-трое ухажеров, с видом, будто они участвовали в каком-то соревновании за ее внимание. И, честно говоря, мне тяжело давалась конкуренция с этими юношами, у которых слов-но на лбу был написан лозунг «Молодость и бесшабашность».

И вот среди этой романтической вахты — я, в свои 29 лет, серьезный, с портфелем, но, в отличие от ее ухажеров, на иномарке. Чувствовал себя примерно как директор завода на утреннике детского сада. И я уже, честно говоря, почти отчаялся удостоиться ее внимания. Но стал рассуждать трезво. Ну что может победить молодость и красоту — только жизненный опыт, так? И в голове созрела мысль: я вспомнил, что у меня есть радиомикрофон, купленный на рынке «Юно-на» на юге города, работающий на частоте автомобильного приемника. Ничего примечательного, но в нужный момент он может стать... ну, скажем, вспомогательным инструментом для важных жизненных наблюдений. Я «случайно» забыл его в прихожей ее квартиры вместе с сумкой, и вот так, подслушивая разговор любимой с мамой, понял главное: я Владе небезразличен, а в ее мечтах — творчество. Ну а для меня это стало знаком свыше. Так вот, откинув всякие сомнения, я сразу придумал хитроумный план.

Ведь если она мечтает о карьере в искусстве, что может быть лучше, чем предложение устроить фотосессию и от-править снимки на киностудию «Ленфильм»? Конечно же, это была моя блестящая идея, и вот я, как настоящий стра-тег, с гордостью предложил этот план. Взял фотоаппарат и снял ее прямо в коридоре общежития. Ну и, как вы понимаете, все сработало идеально. Мечты начали сбываться, а я по праву стал тем самым героем ее жизни, который оказался на шаг впереди всех этих мальчишек.

Потому что через какое-то время ей действительно позволили и пригласили на кастинг.

Владислава, полная наивного восторга и предвкушения звездной карьеры, пришла по адресу. Я тоже пошел — ну, а как иначе: поддержать будущую звезду (посмотреть, а вдруг и мне предложат сыграть ее кавалера в массовке). За дверью, как в каком-то анекдоте, — сам Георгий Данелия. Да-да, не двойник, не голограмма, а тот самый: «Афоня», «Мими-но», «Осенний марафон» — все его рук дело.

Он мило побеседовал с Владиславой минут тридцать. Его немного обескуражили ее длинные волосы, и он аккуратно спросил, сможет ли она с ними расстаться ради кино, а получив положительный ответ, сказал загадочную фразу в стиле: «Ждите, мы вам перезвоним». Владислава, как при-личная студентка начала 90-х, оставила номер не свой (от-куда у нее был бы телефон?), а знакомых — откуда телефон в общежитии при военно-морской академии. Мобильников, напомним, тогда не было вообще, разве что где-то в далеких фантазиях или в американских фильмах.

Прошло время. Тишина. Как водится, мечты об актерской сла-ве потихоньку растворились в подготовке к сессии. «Ну, не судь-ба», — подумала она. Кто мы такие, чтобы конкурировать с профессиональными актрисами, да еще у самого Данелии?

Примерно тогда же у меня созрел еще один план, как по-корить Владу, — я предложил: а поехали-ка в Канаду! Почему бы и нет? Оказалось, это была вторая ее мечта. В общем,

молодость, романтика, авантюризм — все как полагается. Я как бывший научный сотрудник знал одну хитрость: раньше, если у тебя был загранпаспорт, можно было, имея связи,

без проблем сделать паспорт моряка. А этот прекрасный документ в те времена (непуганых идиотов) давал право, напечатав на листке бумаги «судовую роль» и указав себя в ней членом экипажа, отправиться без визы хоть куда, даже в Канаду. Вот я, имея эти знания и связи, так и сделал. И вот мы, вновь испеченные члены экипажа научного судна «Профессор Саидов», не предупредив никого, сели в самолет и транзитом через Гамбург... а потом идем среди небоскребов Торонто, и я со своим не очень хорошим немецким пытаюсь купить бутерброд на Централ-стрит. В результате все же получил желанную сосиску, но продавщица афроамериканской внешности долго смеялась над моим «кот-дог».

И вот, только мы обустроились на пон-нёф, как говорят французы, Монреаля, недалеко от парка на берегу реки Сен-Лоран, обзвонили родных, сообщили, что все у нас хорошо, как вдруг — бам! — родители говорят: мол, тебе звонил... Даниеля. Да-да, снова он. И не просто звонил, а хотел дать Владе главную роль в новом фильме — о любви! Представьте, главную! Ну и как не взять на роль красивую девушку с настоящим русским лицом и косой ниже пояса.

Ну а теперь представьте нас. Мы сидим в китайском ресторане Чайна-тауна, где обед «все включено» стоит 5 канадских долларов, смотрим друг на друга, и в голове звучит саундтрек из «Осеннего марафона». А поезд — точнее, фильм — уже ушел. Возвращаться срочно — нереально. Дело в том, что мы хотели получить канадские документы и по закону страны не могли покидать ее пределы. И все, история закрыта.

Владислава, конечно, потом не раз вспоминала об этом с оттенком горечи. А я сказал тогда: «Не переживай! Не Да-нелией единым. Я заработаю денег и сниму тебя сам». И, надо сказать, не соврал. Так и вышло.

Прошло чуть больше десяти лет. Я стал бизнесменом — из тех, что работают днем, а перед сном смотрят в потолок и думают, что пора бы уже «делать искусство». Деньги действительно появились, а с ними — старое обещание, как все еще живое привидение из прошлого.

И вот однажды, вооружившись вдохновением, самоуверенностью и крупной суммой в американской валюте, я решил: пора. Написал сценарий, позвал профессиональных актеров, нанял команду, арендовал технику, костюмы, построил лока-ции, даже научился произносить слово «экспозиция» с нужной интонацией. Но в процессе понял, что никто, кроме меня, не готов взять на себя ответственность за это безумие, — и сам стал режиссером. Хотя давайте по порядку.

Два месяца съемок были похожи на увлекательный, дорогой, слегка нервный квест. Я впервые прошел весь путь — от первых черновиков сценария до ночных съемок, от ка-призов актеров до аварий на съемочной площадке. Машины гонялись друг за другом, взрывались, тонули в реке — съемки вели с вертолета и самолета, как в лучших боевиках 90-х. Семен Стругачев грабил банк, Дарья Юргенс-Лесникова пыта-

лась его контролировать и любить, Михаил Разумовский во-дил дружбу с бандитами, Семен Фурман... В общем, классика жанра «экшен выходного дня», когда человек приходит домой с работы, разогревает купленный в супермаркете бифштекс, открывает банку пива и чипсы, садится перед телевизором — в общем, просто хочет забыть обо всем и погрузиться в мир прогрессивного киноискусства.

Но — увы. Весело получилось только на съемочной площадке. Прокатчики вежливо сказали «нет», потому что не увидели перспектив получения прибыли, а может, и искусства, хотя фильм назывался «Месть — искусство». Зрители не узнали о нем, а критики... ну, слава богу, крити-ки молчали — видимо, просто не заметили. Да, был момент разочарования и понимания, что я пытался без тренировки взять слишком высокую планку.

Героиней стала Владислава. Здесь уж она смогла реал-изовать свои мечты в полной мере: каждый день — новый макияж, новые наряды; пришлось даже раскошелиться на ка-бриолет, поскольку она решила снять сцену с ним. В общем, все как и было обещано. В этом я, пожалуй, сдержал слово. А вот в остальном — я купил не успех, а, как принято гово-рять у продюсе-ров, «опыт». Дорогой, тяжелый, но весьма по-учительный. И понял, что снимать нужно, как последний раз в жизни, — только тогда можешь рассчитывать на успех. Хотя уже то, что я довел дело до конца, мне кажется, здорово.

Довести до конца съемки фильма — поверьте, очень непро-сто. Учитывая, что у меня нет ни образования, ни опыта в этой сфере. Но обещание любимой жене — дело святое.

Сейчас, вспоминая и анализируя, я понимаю, что многие фильмы не окупаются, но тем не менее эта индустрия существует, и есть много профессионалов в этой сфере, способных убедить наивных бизнесменов раскошелиться. Но меня никто за руки не тянул, я сам решился на этот поступок — и не жалею. Потому что недавно мы нашли какой-то пиратский сайт, кото-рый благо-получно умудрился продать показ нашего фильма 3 млн раз, а это похоже на успех. Вот так все относительно в этом мире.

Попробую рассказать хотя бы о самых ярких моментах, которые я пережил, но не обе-щаю, что получится без само-иронии, так как... ну, сами понимаете. Началось все, конеч-но, со сценария. Решил я сделать фильм про людей, которые грабят банк. Ну, это же всегда инте-ресно, и я думал, что по-лучится круто. Написал сценарий, добавил туда каких-то ин-тересных моментов, как говорят киношники — перипетий, попытался причесать диалоги между акте-рами, чтобы при-дать глубины, ну и, конечно, чтобы фильм был зрелищным, долго подбирал красивые локации.

Так, чтобы и красиво, и близко, и, что важно, разрешили снимать в Санкт-Петербурге.

Как только сценарий был готов, я, конечно, не побежал сра-зу снимать. Нет, я решил сначала получить рецензию от име-нитых в мире киноискусства московских специалистов, даже с Гинзбургом встречался и Марией Смирновой. Так сказать, чтобы понять, на какой уро-вень претендую. Отправил сце-нарий; они (конечно, не бесплатно) написали свои рецензии. В принципе, все были положительные, но теперь понимаю, что, если бы я не заплатил, рецен-зии могли быть и отрица-тельные. Но это, как говорится, бизнес. Потом, с протекци-ей, при-шел к владельцу большой сети кинотеатров в Петер-бурге. Он прочитал сценарий, сказал, что понравилось: «Если фильм снимешь — возьму в кинотеатр». «Ура!» — подумал я. Но как-то так получилось, что, пока мы снимали, его из этой сети попросили, а потом попросили и из «Ленфильма». Ну, жизнь — она такая, непредсказуемая.

Следующий рубеж — поиск режиссера. Беседы были с раз-ными мастерами кино, мы все обсудили, все в целом очень дело-вые, занятые, хотят много денег, и каждый считает, что фильм должен создаваться только с его уникальным подходом. Слож-но было, честно скажу. Вспомнил одного режиссера еще со-ветских времен. Думаю: ну, раз в советские времена рабо-тал, да и сейчас на Первом канале ведет передачу, значит, человек с опытом. Встретились, поговорили, я ему отдал сценарий.

Ну, он его, конечно, порезал, как только мог. Согласились на плату, сопоставимую с ценой хорошей квартиры, и мы на-чали работать. Но вот я не знал, что этот режиссер кроме кино еще иногда любит крепкий алкоголь. Когда он уходил в запой, мне, мягко говоря, было не

до кино. И где-то на середине съе-мок мы с ним сцепились, прямо у меня дома чуть не подрались. Дело было так: на съемочной площадке он восторгался тем, что я, мальчишка из простой провинциальной семьи, добился успеха в бизнесе, у меня огромный дом и жена краса-вица, еще и сам продюсирую свой же фильм; а по факту, ког-да напился, глаза его налились кровью, кулаки сжались, и он сказал моей жене, когда я ушел за очередной бутылкой виски, что я последний мудака (простите за сленг), и он не понимает, как Влада меня терпит... В общем, пришлось расстаться.

Представьте: уже снято 50 % материала, а я искал ново-го режиссера, говорил даже с Димой Иосифовым (это тот самый, что играл Буратино), но все приглашенные не захотели продолжать, заявляя, что фильм надо останавливать и снимать в следующем году. Я думал, все, плакали мои денежки и карьера супруги. Это же катастрофа! И вот, ког-да на площадке воцарилось траурное молчание, вперед вы-ступила Маша, второй режиссер, и сказала: «А давайте вы будете режиссером, а мы вам поможем! Но условие: на ме-сяц вы забываете о своей основной работе — строительстве многоэтажек». «Гениальная идея», — подумал я и пустился во все тяжкие. И вот так, без особого опыта, я взял в руки этот проект и довел его до конца. Произнося по двадцать раз в день одну и ту же фразу: «Камера, мотор, начали!»

Конечно, яркими моментами становились кастинги. Прихо-дили известные актеры, и это было интересно, потому что ты вживую видишь человека, который может зажигать энергией или, наоборот, отталкивать. Еще, кстати, меня потом огорчило то, что первый режиссер убедил не брать звезд экрана: мол, это доро-го и бессмысленно. Но со временем я понял: это как раз и было бы то, что нужно, — зрители ведь всегда идут на конкретного актера.

И конечно, аренда техники — это отдельная песня. Мы снимали на пленку, а не на цифровые камеры, и все эти ки-ноаппараты, свет, техника — это колоссальные деньги. Помню, как оформляли аренду и как это все отразилось на моем бюджете. А когда мы снимали на яхте, помощник оператора, пересаживаясь с катера на яхту, упал в Неву. Если бы камера ушла под воду, я не представляю, что было бы дальше, но он молодец — в последний момент успел ее бросить на палубу.

Работа с актерами, хоть и не звездами мирового масштаба, была интересной. Каждый из них — носитель уникальных историй. Один актер в свои 50 лет завел любовницу и, бедняга, не мог развестись с женой, пока не найдет себе замену. Ходил и все предлагал: красавица, умница, берите...

Еще мы решили использовать в фильме песню Вики Цыгановой «Приходите в мой дом». Мне пришлось ехать в Подмосковье и договариваться с ней и ее мужем о покупке авторских прав. Вроде мелочь, но получилось знакомство с интересными людьми. Муж Цыгановой показал мне мебель, которую сам делает из массива дерева и продает. Я даже чуть не купил пару стульев, как из сказки про Машу и медведя.

У меня была строительная компания, и это, честно скажу, очень помогло. Мы строили декорации, снимали на своих объектах. Некоторые наши сотрудники снимались в массовке, и

это было забавно: днем работали в офисе, ночью — играли в кино. Моя коллега по компании Валентина Павлова до сих пор вспо-минает с улыбкой, как по ночам возвращалась домой в коктейль-ном платье с мехом, и охрана всегда подозрительно смотрела на нее: откуда такая красивая. А еще в фильме снималась моя со-бака, овчарка Лотта: она должна была охранять объект и лаять, но, учитывая ее милейший характер, это для нее стало стрессом; я уж не говорю про хомяка моих детей Тиму. В общем, экономия на всем — даже прямо у меня дома снимали. Использовали мой личный самолет для съемок. Да и почти все, что было на экране, как-то связано со мной. Мы взорвали мой «мерседес», утопили в Крюковом канале машину моего зама, разбили три витрины в нашем офисе и сделали из подсобки ресторана тюремную камеру, а из конференц-зала — ресторан; друзей моей коллеги, все той же Валентины, вообще попросили уехать из дома на два дня и снимали в их таунхаусе...

И конечно, самый важный урок: люди. Я много лет занима-юсь бизнесом, работал с разными коллективами, но с людьми из киноиндустрии было, пожалуй, сложнее всего. Они такие ка-призные, что порой не знаешь, как их организовать. Особенно

актеры! Каждый из них — звезда, каждый считает, что должен сам решать, как и что говорить. Иногда это срabатывает, но не всегда. Но была у нас еще одна заслуга: мы взяли на главную роль тогда никому не известного актера Сергея Воробьева, и благодаря нашей картине он в итоге стал очень популяр-ным — снялся более чем в сорока картинах. Можно сказать, открыли его фактурность миру кино...

Да, съемки фильма были настоящим испытанием, но я гор-жусь тем, что мы все-таки завершили проект.

Позже я рассказал о нашей картине своей хорошей знако-мой — Татьяне Клюевой, той самой, что играла Варвару-Кра-су. Нас связывает очень долгая дружба, и сейчас, вспомнив о ней, расскажу, пожалуй, один эпизод.

Помню, познакомился с ней, еще будучи молодым лейте-нантом. В то время я служил на спасательном судне «Эль-брус». И вот, зная о моей склонности к рисованию, меня от-коман-дировали в женский комитет нашей воинской части. Я наивно думал, что в женском комитете только дамы в ярких шляпках и кружевных перчатках заседают. А тут — Татьяна Николаевна с сигареткой в руке, и не абы какой, а загранич-ной, «Мальборо». Кроме невероятной красоты, она обладала еще и магическим обаянием, как у какой-то древнегреческой богини. Ее глаза... Это не просто глаза, а два бездонных оке-ана, в которые многие были готовы погрузиться и тонуть це-лыми днями. Вот и я решил не отставать от коллектива.

Помню, как на одном из заседаний этого комитета мне по-ручили оформить ресторан к Новому году, — там я ее и уви-дел. Ну, как ее не заметить, когда она всегда в центре внима-ния, всегда рассказывает какие-то невероятные истории о съемках с режиссером Роу, с такими актерами, как Милляр и Пуговкин, и делает это так, что каждый, кто ее слушает, прямо пере-носит-ся на съемочную площадку. Я всегда с нетерпением ждал сле-дующую порцию баек из ее жизни, как сегодня многие ждут последнюю серию любимого сериала, которая по решению ка-нала выйдет почему-то только через неделю.

К примеру, Милляр, несмотря на то, что, по сути, стал «официальным представителем нечистой силы в кинематогра-фе» (он играл Кощея и Бабу-Ягу), на самом деле был очень эрудированным, веселым, легким в общении человеком, лю-бил детей и происходил из семьи француза Мильё...

В купе мы сидели друг напротив друга, и разговор нежи-данно свернул в сторону далекого детства. Я вспомнил Татъя-ну Николаевну — ту самую, что для всей страны стала Вар-

варой-Красой, Длинной Косой. Рассказал о ней, о ее улыбке, о том, как странно было встретить на флотских вечерах ак-трису, знакомую каждому ребенку.

Анна оживилась впервые за все время поездки. Ее глаза блеснули теплой искрой:

—

А
ведь
я
любила
эту
сказку!
Я
маленькой
помнила ее
почти
наизусть...
Только
не
знала,
что
муж
этой
актри-сы был морским офицером.

Она замолчала. Я уже хотел снова заговорить о службе, но Анна неожиданно опередила меня. Голос ее дрогнул, и в нем впервые не чувствовалось ледяной деловой отстраненности:

—

Знаете...
Я
ведь
согласилась
взять
вас
в
попутчики не
потому,
что
пожалела.
И
не
потому,
что
билета
больше не
было.
А
потому,
что
узнала:
вы
в

прошлом
морской
офицер.
Она сжала руки так, что побелели костяшки пальцев.

—

Мой отец... живет в Севастополе. Тоже был моряком. Но я его ненавижу. Ненавижу за то, что он бросил нас с мате-рью. Ненавижу за то, что я выросла без отца. Ненавижу за то, что сейчас, когда он ей так нужен... — Ее голос сорвался. — Он не рядом. Он далеко.

Женщина отвернулась к окну, и я увидел отражение ее лица в стекле — жесткое, но с блеском слез.

—

Я
позвонила
ему,
сказала,
что
приеду.
Он
мог
бы
сам
при-ехать
в
Петербург.
К
ее
постели.
Но
нет...
Он
звонит
мне
и
спра-
шивает,
когда
приеду
я.
Понимаете?
Как
будто
ответственность
перекладывает.
Как
будто
все
еще
остается
в

стороне.

Она замолчала, а потом добавила, уже тише:

— Мне тяжело понять его. Душу его. И, может быть, имен-но поэтому я слушаю ваши истории. Может быть, через вас я смогу хоть немного понять его — бывшего морского офицера, который для меня все еще чужой.

Поезд тряхнуло на стыке, звякнули стаканы с чаем, и эта пауза будто подвела черту под ее признанием.

Я посмотрел на Анну и впервые понял: мои рассказы для нее — не просто страницы чужой жизни. Для нее это ключ. К ее собственной.

Ну что ж, я продолжу.

Однажды вечером я решил продолжить свое образователь-ное путешествие по жизни Татьяны Николаевны, но началь-ство в лице старпома Сухомлина никак меня не отпускало; пришлось придумать какую-то историю и просто сбежать. По-звонив ей заранее, отправился с другом Валерой на чаепитие. В местной кондитерской мы купили торт «Орешек» (не имеет никакого отношения к сверхзвуковой ракете), что, наверное, нам на тот момент казалось кульминацией гастрономических подвигов. Хотя нет — были в то время и другие чудеса, ко-торые мне как-то удалось испробовать благодаря знакомству с дочкой начальника управления торговли Севастополя: Киев-ский торт, доставленный прямо из Киева, и лимонад «Тархун» (что-то невероятное, зеленое и с огромным количеством пу-зырьков; это сейчас он в каждом гастро-номе, а тогда был при-мерно как восьмое чудо света).

Но это все мелочи, а настоящие события начались, когда за третьей чашкой чая Татьяна Николаевна вдруг, слов-но по щелчку пальцев, решила, что ей нужно расширить про-странство своей квартиры.

Как говорят теперь, сделать незаконную перепла-нировку. «Ну, а раз нужно, значит, сразу, тут же, и нач-нем», — решил я. Задача простая: нужно, чтобы лишние квадратные метры получились прямо сейчас.

Я, горячий молодой лейтенант, естественно, предложил свои услуги. И, как только дело дошло до практики, попросил у нее что-нибудь тяжелое из подсобки. Оказавшись с топором в руках, я почувствовал себя лесорубом из фильма «Девчата», готовым к подвигу. В наше время меня бы непременно назвали дизайнером. И вот я с благородным видом стал крушить эту

ни в чем не повинную стену, которую, как выяснилось потом, построили на совесть пленные немцы по своей супернадёжной технологии, примерно как ласточка строит гнездо.

Штукатурка летела, пыль клубилась. Я бил и бил. На три-надцатом ударе что-то шелкнуло, потом яркая вспышка, и... в квартире погас свет. Я понял, что, видимо, что-то в этой жизни, возможно, не учел.

И вот в этот момент, когда я в полной уверенности ломаю стену ради прекрасного ремонта, открывается дверь, и из пыльного тумана появляется... Хотел сказать — герой фильма

«Терминатор» со словами «Я вернулся!» («I'll be back!»), а это вошел Дмитрий Сергеевич, муж Татьяны Николаевны, крупного телосложения и огромного роста, с выражением лица, явно не располагающим к конструктивному диалогу; и да, за-был уточнить: он еще по совместительству был начальником штаба нашей бригады спасательных судов. Честно говоря, его взгляд в тот миг был похож на взгляд человека, который по-нял, что упустил момент, когда должен был меня остановить, но еще в силах меня наказать за содеянное. Хотя я, как известно, был мастером избегать наказания и...

Быстро прокрутив киноленту будущих событий, мы с другом Валерой как-то оперативно, благодаря вовремя открытому Татьяной Николаевной окну, ретировались во двор, благо это был первый этаж; а Дмитрий Сергеевич в своих мыслях, похо-же, меня уже видел потенциальным «освещенным» кандидатом для подвешивания вместо лампочки.

Потом мы долго смеялись над этой ситуацией, думая, что, конечно, не совсем красиво получилось. Но, как говорят, лиха беда начало! После того вечера ремонт все-таки состоялся, и перепланировка квартиры, как ни странно, тоже. И, может, не без моей помощи — главное, что «топор» и «крушение» привели к позитивному результату!

Хотя это еще не конец истории. Я показал себя трусом и старался в доме Татьяны Николаевны больше не появляться, но сейчас, описывая этот сюжет, позвонил ей и попросил рассказать, что было дальше. Вот история, рассказанная ею самой.

РАССКАЗ

Т.

Н.

В

первомайский праздник, который наступает ча-стеняко с каким-то неожиданным сюрпризом, я по-няла, что время поджигает: оставалось всего ничего

до того дня, как должна приехать бабушка Надежда Ивановна из Москвы с шумной компанией внуков. И, как это обычно бы-вает, именно в такие моменты все планы рушатся.

Календарь каждый день, как злой шутник, ставил крестики на оставшиеся сутки, а мне вот внезапно стало ясно, что для за-вершения работ не хватает куба бетона, причем катастрофиче-ски, а именно — для заливки площадки под прихожую.

Ну да, конечно: какой бетон?! Это же не та проблема, о которой можно спокойно задуматься, когда за окном Пер-вомай! А бетон? Ну кто его привезет?! (Тут я поясню: это сейчас плати деньги и покупай бетон хоть сотнями кубов, а тогда в СССР бетон просто так не продавался, и чтобы его достать, нужно было иметь связи.)

И вот, в это утро на кухню выходит Дмитрий Сергее-вич, я к нему насчет бетона, а он мимо меня — как всегда, с блеском, благоухающий парфюмом, сияющий белоснеж-ной рубашкой с золотыми погонами и улыбкой, как будто не на работу идет, а в театр.

Прыгнул в узик — и в бой, на Первое мая в 37-ю бригаду.

На построение личного состава.

В общем, всех поздравил, анекдоты рассказал, цветы по-дарил, а потом как бы между прочим говорит подчиненным: вот, мол, Татьяна Николаевна просит в подарок на Первомай не духи, не бриллианты, а один куб бетона! Все дружно посме-ялись: ну конечно, что еще нужно ей для полного счастья! По-шутили и забыли. Но нет, начальник гаража даже в Первомай не мог оставить просьбу жены командира без внимания и таки добыл этот самый куб бетона.

Представьте картину: КАМАЗ привозит, как раз на праздник, эту самую драгоценную партию бетона. Соседи выскочили: ду-мали, первомайская демонстрация добралась и до нашей улицы. А самосвал с грохотом кузова опустил подарок прямо на дорожку.

Как только машина уехала, я, вооружившись опалубкой и ло-патой, начала работу. Время, как обычно, не ждет, бетон засты-вает. Вот тут-то я и умудрилась узнать, что такое «зажелезнить».

Задерживаться времени нет, мозоли начали расползаться, плечи болят, но, как говорится, глаза страшатся, а руки делают. Потом — сюрприз номер два. Приехала еще одна машина, и опять куча бетона.

Нашим друзьям заливали площадку под гараж, и вот мне, бедной, выделили еще куб бетона. Это уже было не ве-село, пришлось всю душу выложить.

Время шло, темнело, спина уже не гнулась, а руки болели так, что хотелось кричать. Тут я поняла разницу между творческим трудом на съемочной площадке и физическим на стройке. А глав-ное, там я красивая ходила, голубей выпускала, а тут бетон...

И вот момент истины: почти все распределено, я уже вы-билась из последних сил, а тут как раз подъехал уазик, и вы-ходит этот обворожительный офицер, благоухающий, как всегда, а я как сидела на парапете, так и сажу.

Дмитрий меня не узнал и прошел мимо, приняв за очеред-ную сборщицу податей, со ступеней храма переместившуюся к его крыльцу. Я-то, конечно, изменилась до неузнаваемо-сти, потому что вся моя одежда и волосы, как в фильме Данелии

«Джентльмены удачи», были покрыты бетоном.

Уже позже, видимо, не найдя меня дома, он вышел на ули-цу, и тут его лицо изменилось, когда он среди кучи строймате-риалов обнаружил в темноте меня... Это был шок!

Он был в полном недоумении, переживал, гордился, а я сидела вся в бетоне и счастье. Кто бы знал, что счастье наше с ним было вот... в бетоне.

Слезы тихо катились и смешивались с усталостью, но я была довольна.

И да, как же приятно, когда не просто твой труд дает резуль-тат, а когда твоя половинка тебя за это ценит.

***И
СНОВА
ПРО
КИНО***

Д

а знал ли я, что занесенный мною топор даст начало таким событиям? Но недаром говорят: что ни делает-ся, все к лучшему. Так, видимо, и в моей истории пе-

реустройство квартиры Татьяны Николаевны благополучно завершилось, только бумаги ей, бедной, до сих пор не выправить на эти конструктивные изменения. Хотя прошло почти сорок лет. Но интересно в этой истории, что в тот день, Первого мая,

и я решил провести Татьяну Николаевну и, обнаружив ее в та-ком страшеньком виде, тоже не осмелился ее признать, а она тоже не призналась. В общем, парадокс.

Простите, сошел с курса. Так вот, Татьяна Николаевна упомянула мою киноленту в разговоре с Владимиром Мень-шовым, который был в Севастополе на очередном кинофести-вале. Тот, выслушав, глубокомысленно сказал: «Беда фильма, наверное, в том, что история выдумана. А выдумку сегодня трудно продать. Лучше бы снять о чем-то, что действительно было, что прожито». И добавил: «Раз уж Олег прошел путь от морского офицера, подводника, до бизнесмена и теперь пробует себя в кино — может, у него есть история из своей жизни, которая достойна экрана».

Я тогда долго думал. Ведь правда — жизнь-то у меня действительно насыщенная. И все-таки амбиции — это хорошо, но не стоит преувеличивать свои способности. Да и рассказывать о прошлом — штука неблагодарная. Все забывается, краски тускнеют, эмоции рассеиваются, как сигаретный дым на ветру. И ты уже не можешь пере-дать ту искру, которая была у тебя в тот момент.

Мечту о фильме я отложил. Тихо, без драм, просто по-ложил на полку, где она теперь пылится между нереализо-ванными проектами и старыми CD-дисками, которые теперь уже и не знаешь, куда вставить.

Но года три назад я прочитал рассказы моего сослуживца, Илькама Файзулина, в которых он живо, с иронией и любо-вью передал флотские байки времен службы в Севастополе.

И вдруг вспомнил: а ведь и у меня есть истории — забавные, странные, трогательные. Возможно, никто их и не экранизиру-ет, но мои сослуживцы точно прочитают с интересом. А если уж получится рассказать их не по-режиссерски, а по-человече-ски, — то, возможно, в этом и будет настоящий успех.

ИНДЕЙЦЫ,

СГУЩЕНКА

И

ВЕДРО

ШАМΠΑНСКОГО.

ВОСПОМИНАНИЯ

С

ПРИВКУСОМ

ПЕРЕСТРОЙКИ

1986 год... Ну, что сказать — выдался он таким насыщен-ным, что иногда кажется: мне тогда сразу лет десять жизни зачислили авансом. Весной, как уже писал, прогремел Черно-быль — и в прямом, и в переносном смысле. А осенью — но-вая беда: трагедия с атомной подводной лодкой К-219. Каза-лось бы, год не закончился, а уже дважды хотелось включить функцию «сбросить до заводских настроек».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.